

АРОМАТ РОДИНЫ

*Мерзлой веточкой опьянения
ковырни, ковырни в мыльном вареве
невыносимо невинного прошлого.*

Егор Летов

остался большим артистом и настоящим художником, несмотря ни на какие свои православные завихрения, чему я безмерно рада, тем более, что он ведь не чужой мне человек, и фотография петрова в особенно творческую его минуту на стене у меня в Австралии всегда висела, и в Америке отчасти тоже, и на вопросы интересантов всегда разъясняла – то брат мой, – и умолкали скромно собеседники, и вопросов о Петре уж больше не спрашивали.

Вот Лев же Толстой писал у себя предложения по полстраницы, зачем же нам, современным классикам, себя утеснять.

Если же убрать из фильма* Мамонова, останется кучка случайных предметов и лужа сиропа. Лживый сценарий, слащавая съемка, адаптивный режиссер. Виды монастырские. Оператор-то по открыткам, поди, промышлял. Немцы, правда, совсем родные тут, и все у них по понятиям, даром что враги. А актеры да, хорошие тоже попадают. Так что с того. Каждый сам по себе, никакого художественного целого они не образуют. Девочка с абортom лучше всех пожалуй получилась, а Виктор Сухоруков так и совсем никакой. Герой его задуман как идейный противорес старцу, а вышла суета какая-то – мельтешенье, подлизыванье. Врать не умеет, что ли?

Весь этот мусор облепляет трагическую фигуру Петра с его безысходной мощью. Он напоминает дерзновенного Феофана, неистового Аввакума – и полоумного комсомольца Корчагина. Потому что художник не может служить режиму. И когда он начинает ему служить, то вместо свободы он несет состояние иступленного саморазрушения. Он заражает фанатизмом, как сифилисом. Никакое религиозное чувство тут не оправдывает. Религия, которая является частью системы подавления, – это средство уничтожения, а не прорыв к свету.

В общем, любят там теперь Петра всем государством. Так что можно, наверное, считать, что на глазах у современников случилось человеку второе рождение. Потому что религия заменила в его жизни водку, которой Петр, как человек страстный, отдавался целиком. И это замещение, конечно, преобразило его мир. Наверное, это к лучшему. Но вообще состояние фанатизма, как образа жизни, представляется мне болезненным. И стоит ли такую терапию рекомендовать сразу всей стране я че-то сомневаюсь. Хотя россиянам конечно виднее.

*П.Лунгин. «Остров»

Даже интервью с Петром, в авторитетном каком-то издании, читала я. Он отрекался там от всего, что делал раньше. Каялся. Объяснял, что что вера превыше той неукротимой первобытной любви, которая ревела в его крови, когда он выкрикивал свои простые дикие слова.

Вот после этого чтения фотография петрова со стены была снята. Нет у меня больше брата. В папочке лежит. Но память его уважаю. И голос его завораживающий. Весь этот фильм бездарный на голосе одном только и держится.

Душа его чистая. В России с такой не живут. Либо горькую пьют, либо торчат до смерти. А Петр вот это себе нашел – веру. Так вдариться, чтоб следов не сыскали. Да где там. Выживание наука хитрая. Нет у меня больше брата.

Но я по-прежнему здесь.